

ДЕТИ
 ВОЙНЫ

Сергей АНТОНОВ

ЛОСКУТНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Роман

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2019

УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Бей=Рус)-5
А72

Серия основана в 2010 году

Антонов, С. В.

А72 Лоскутные звезды : роман / Сергей Антонов. — Минск : Четыре четверти, 2019. — 272 с. — (Дети войны).

ISBN 978-985-581-271-6.

Первые пулеметные очереди в районном центре Быхов прогремели на Яблочный Спас. Решая «еврейский вопрос», фашисты не щадили ни мужчин, ни женщин, ни стариков, ни грудных детей.

Прошло более семи десятков лет... Казалось бы, по невинным жертвам выплаканы все слезы, им поставлены памятники, а изуверы, устроившие ад на Земле, давно горят в аду. Однако сын мальчика, чудом выжившего в кровавой круговерти сорок первого, убеждается: эхо страшного августа все еще звучит в умах и сердцах.

«Лоскутные звезды» — детективный роман, полный реализма и исторической правды. Отдельными главами опубликован в израильском еженедельнике «Секрет».

**УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Бей=Рус)-5**

ISBN 978-985-581-271-6

© Антонов С. В., 2019
© Оформление.
ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2019

От автора

*Э*то повествование, хоть и основано на реальных событиях, не претендует на историческую достоверность, и должно рассматриваться исключительно как художественное произведение. В нем мой взгляд на Холокост и отдельную его страницу — трагедию быховских евреев. Поэтому все совпадения следует считать случайными.

Философ И. Бауэр сказал, что память о Холокосте необходима, чтобы наши дети никогда не стали жертвами, палачами или равнодушными наблюдателями.

Я написал эту книгу, потому что не хочу остаться в стороне, быть равнодушным наблюдателем.

Моим друзьям-евреям, ныне живущим и навеки ушедшим посвящается.

Август тысяча девятьсот сорок первого года. По всей Белоруссии гитлеровские оккупанты истребляют евреев. Город Быхов не исключение. Старый замок становится пунктом сбора для «переселения» местных евреев. А вскоре в окрестностях города загрохочут пулеметы...

Прошло более семи десятков лет. Семен Багров читает записки отца в 2015-м. Призраки прошлого оживают, обретают плоть и кровь. Оказывается, что последняя точка в истории уничтожения евреев Быхова еще не поставлена. Жертвы продолжают взывать о мщении, а палачи все еще пытаются уйти от справедливого возмездия...

Пролог

Утро выдалось чересчур хмурым, даже для осени. Дождь, барабанивший по крыше, к семи часам превратился в полноценный ливень. Выходить из дома не хотелось, но после пары чашек крепкого кофе я созрел для путешествия.

Можно было отложить поездку до лучших времен. Встреча ведь ждала больше семидесяти лет, так почему бы не подождать еще день-два?

Запасшись этим оправданием, я отправился на автовокзал.

Ливень начал затихать. Я шел по улице, которая в былые времена была центральной, поскольку проходила мимо церкви. Со временем она утратила большую часть своего величия и теперь стала рядовой, но сохранила терпкий аромат прошлого. Новые хозяева успели обложить дома довоенной постройки белым кирпичом и облагородить крыши металлочерепицей.

Однако прошлое все еще пыталось выглянуть из-под налета современности и заявить о себе. Мелкие, почти незаметные детали напоминали о прежних домовладельцах. Ажурная резьба оконных наличников, давно вышедшие из моды ставни с массивными стальными крюками и сердечки, прорезанные в досках фронтонов...

Я помнил, как отец, ведя меня за руку по этой улице, говорил:

— А вот в этом доме жил...

Далее следовали имя и краткий рассказ о семье Абрама или Соломона. Иногда с подробностями. Веселыми и не очень. Чаще — последнее.

Мальчиком я не думал о том, куда подевались Абрамы и Соломоны. Повзрослев, узнал — они не покидали родных мест. А если и ушли из своих домов, то недалеко. Одни — в Гоньков ров*, другие — в глубокие траншеи у деревни Воронино**, третьи — на пустырь у аммонального склада*** в Сапезинке****. Ушли вместе с женами и детьми. Вместе со своими радостями, болями, воспоминаниями, переживаниями... Быхов перестал быть еврейским местечком всего за пару недель, и с тех пор время понемногу стирало память о его коренных жителях.

* Гоньков ров, Гоньковский ров — овраг на границе города Быхова, выходящий к пойме реки Днепр.

** Воронино — деревня в семи километрах от Быхова. Расположена у автострады Санкт-Петербург-Одесса.

*** Аммональный склад — склад взрывчатых веществ.

**** Сапезинка (бел. Сапяжынка) — деревня в составе Холстовского сельсовета Быховского района Могилевской области Республики Беларусь. Название произошло от словосочетания «жена Сапеги». До августа 1941 г. население деревни составляли преимущественно евреи.

Возможно, оно успешно справилось бы и со следом, оставленным в судьбе моей семьи одним человеком. Но этого не позволил сделать мой отец, который был обязан ему жизнью. Папе, правда, не довелось рассчитаться с долгами до конца. Теперь платить по счетам придется мне, его наследнику.

Что я чувствовал, взяв на себя эту роль? Не знаю. С одной стороны, мне, как журналисту, было очень интересно прикоснуться к истории. Тем более что она касалась меня лично. С другой — приходилось ворошить воспоминания, покрытые не толстым слоем пыли, а целым пластом слез и крови.

Однако хотел я этого или нет, но повествование нуждалось в эпилоге, а предложение — в точке. Желудевый Человечек должен был встретиться со своим создателем. Неслучайно же эта хрупкая игрушка, которая должна была давно рассыпаться в труху, хранилась столько десятилетий.

Привокзальная площадь. Водонапорная башня из красного кирпича, некогда предназначавшаяся для заправки паровозов водой, помнит генерала Деникина, который начинал отсюда свое путешествие на Дон.

Не забыла она и быховчан, уезжавших на работу в Германию в годы войны.

Я поздоровался с кассиршей и назвал пункт назначения. Девушка за стеклом бросила на меня недоуменный взгляд. Наверное, деревня, в которую я собрался, не пользовалась большой популярностью среди пассажиров. Мне пришлось повторить название.

В ожидании автобуса достал из кармана пачку «Уинстона», закурил, любовался бронзовой скульптурой студента со связкой книг и прощающейся с ним девушкой в старомодном наряде.

Громко хлопнула дверца автобуса. Это водитель занял свое место. Описав лихой полукруг, автобус резко затормозил у четвертой платформы. Я поднялся по ступенькам и сел на свое место.

Пытался размышлять о чем-нибудь нейтральном, но так и не смог сосредоточиться на детях, которые играли на обочинах, велосипедистах, мчащихся по своим делам, коровах, мирно разгуливающих по лугам.

Достал из пакета планшет, чтобы дочитать последнюю главу отцовской книги.

Мысли мои постоянно возвращались к забытой Богом вымирающей деревеньке и одинокому старику. Ему девяносто два. Он получает маленькую пенсию. Чтобы сводить концы с концами, плетет корзины. В таком возрасте это занятие не из простых. Наверняка у деда плохо слушаются пальцы, а ослабевшее зрение не позволяет с первого раза попадать прутиком лозы в нужное отверстие.

Он не ждет никого в гости и мало с кем поддерживает отношения. Как примет меня, незнакомца, который принесет ему весточку из далекого сорок первого? Поверит ли мне? Разглядит ли в моем лице черты чернявого мальчугана Борьки, с которым расстался у заваленных трупами траншей?

Девяносто два... Он вообще может ничего не вспомнить. Тогда мне придется убраться восвояси вместе со своим коньяком и Желудевым Человечком. А история, которую я так жажду закончить, будет иметь весьма печальный финал.

— Мужчина. Мужчина! Ваша остановка!

Водитель, обернувшись, смотрит на меня. Остается только вскочить с места. Буркнув «извините», я вышел из автобуса.

Асфальт заканчивался прямо у остановки, а к деревне вела проселочная, чуть подсыпанная щебнем дорога.

Метрах в ста у колодца стоит женщина в синем халате. Рядом мечется здоровенная рыжая дворняга. Чуть дальше припаркован ярко-красный автомобиль. Кажется, «форд». В деревне есть люди. Если она и вымерла, то не до конца. Отступить поздно. Я иду к женщине у колодца. Дворняга наконец замечает постороннего. С лаем бросается ко мне, но в паре метров останавливается и молча наблюдает за тем, как я прохожу мимо. Женщина оборачивается, а я улыбаюсь и киваю. Хочу задать самый обычный вопрос, но чувствую себя так, словно собираюсь спрыгнуть с парашютом. А тут еще и солнце. Оно вдруг выпрыгивает из-за серых туч и на мгновение ослепляет меня.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВСАДНИКИ

АПОКАЛИПСИСА

Папка номер сорок один

Вяму сыплются комья глины и песка. С глухим стуком ударяются о черную крышку гроба. Лица людей я вижу через пелену выступивших на глаза слез. Размытые и похожие друг на друга, словно вокруг стоят близнецы.

Могилу засыпали. Два мужика с лопатами быстро и профессионально соорудили холмик. Вокруг него составили венки. Люди начали расходиться. Перед тем, как двинуться по тропинке к выходу, подходили ко мне.

Я выслушал последнее соболезнование, постоял у могилы отца в одиночестве и пошел в другую сторону. Хотелось простора и воздуха. А дать все это мне могла только она — Белая гора.

Когда стоишь на Белой горе в полной мере понимаешь суть слова «Приднепровье». Оно состоит из ветра, который ерошит волосы, из солнца оживляющего зеленую краску лугов, из желтой дороги, выходящей от вершины к подножию, из узкой ленты реки Мокрянки и темной полоски леса на горизонте.

Белая гора неразрывно связана с Быховом. Она — символ начала и конца, альфа и омега для каждого коренного быховчанина. Подростком ты приходишь на Белую гору. Летом — жечь костры и тайком от родителей играть в карты, зимой — кататься на санках или лыжах. Здесь мало деревьев, негде спрятаться в

тени, поэтому солнце выжигает твои волосы до желтизны. По той же причине зимние метели впиваются в кожу колючими снежинками. Когда тебе нет и десяти, то жизнь кажется бесконечной чередой приключений, Белая гора охотно соглашается с тобой и дарит их. Становясь старше, начинаешь понимать — не все так уж и безоблачно, а на Белой горе радость и несчастье ходят рука об руку. Ты почти взрослый, и родители считают, что тебя можно брать на похороны. И вновь ты на Белой горе. Уже не с босыми ногами, не в футболке и шортах. Туфли, брюки, сорочка с длинным рукавом. Так следует одеваться из уважения к покойному, которого хоронят на Белогорском, бывшем Петропавловском, кладбище.

С годами, которые пролетают все быстрее, ты слишком занят, чтобы ходить на Белую гору из праздного любопытства. Зато похороны случаются все чаще. Причем теперь уходят не старики, не знакомые твоих родителей, а уже твои ровесники.

Там ты бываешь каждую Пасху. Но наступает время, когда начинаешь присматривать на ней место для себя. Белая гора сопровождает быховчанина всю жизнь, а когда он уходит, остается, чтобы заботиться о других. Она не имеет возраста, поскольку вечна.

— Семен... Сема, долго еще будешь здесь стоять?

— А-а-а, тетя Элла, извините. Задумался.

— И придумал?

— Нет, к сожалению. Идем?

Я взял женщину под руку и, выбрав самое пологое место, повел наверх.

Элла Марковна Краснова скоро отпразднует свое девяностолетие. Однако энергии этой старушки, ее желанию жить и помогать другим, может позавидовать и двадцатилетний. Седовласая и худенькая, с бледной, почти прозрачной кожей, она выглядит гораздо моложе своего возраста. Тщательно следит

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	3
Пролог	4
<i>Часть первая. ВСАДНИКИ АПОКАЛИПСИСА</i>	
Папка номер сорок один	9
Простые люди	18
Показания дает Фролович	29
Плетка обера	38
Местные достопримечательности	46
Сундук мертвеца	55
Черно-белая память	63
Знаки позора	71
Пункты назначения	81
Обед по расписанию	90
<i>Часть вторая. КРОВАВЫЙ СПАС</i>	
Меш прочим	100
Переселение	110
Осиное гнездо	118
Побег	128
Звонок другу	137
Пляска смерти	147
Низкие технологии	155
Красное на желтом	165
Wykonane w Warszawie	173
Господин Музыченко	181
<i>Часть третья. ЖЕЛУДЕВЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК</i>	
Дороже золота	192
Дорога в один конец	201
Круг замкнулся	211
Гоньков ров	219
Заживо погребенный	228
Так не бывает	234
Живи, пацан!	242
Причина смерти — старость	252
Эпилог	265